

А. С. ПУШКИН

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ

Пушкин с нами

День русской культуры — день Пушкина. Что он для нас? Великий писатель? Нет, больше: одно из величайших явлений русского духа¹. И еще больше: непреложное свидетельство о бытии России. Если он есть, есть и она. И сколько бы ни уверяли, что ее уже нет, потому что самое имя России стерто с лица земли, нам стоит только вспомнить Пушкина, чтобы убедиться, что Россия была, есть и будет.

Так для нас, но не так для иностранцев. Никто из них не сомневается в том, что русская литература всемирна, и никто не знает Пушкина, не верит, что он для России — то же, что Гёте для Германии, Данте для Италии, Гомер для Греции. Как сильно действуют на иностранцев обе половины расколовшегося русского духа, Л. Толстой и Достоевский, а целое, Пушкин, не действует вовсе. И мы предчувствуем, что сколько бы ни объясняли, ни открывали его иностранцам, он все-таки останется для них закрытым, запечатанным семью печатями. Тут его и наша немота, вечная или до какого-то срока. Это солнце России для мира еще не взошло.

Отчего? Не оттого ли, что Пушкин слишком поэт-«певец», а в песне все зависит от поющего голоса, в стихах — от лада и звука речи, от музыки слов. Совершенный стих непереволим, неповторяем на чужом языке, и чем совершенней, тем неповторяемей, а пушкинский стих — предел совершенства. Тут между словом и смыслом такая же связь, как между телом и духом; вынуть дух из одного тела и заключить в другое нельзя; так сказанного на одном языке нельзя сказать на другом.

Да, «непонятность» Пушкина происходит от этого, но не только от этого. Ведь и проза его, которая для нас не меньше стихов, тоже непонятна иностранцам. И почему Гомер, Данте, Гёте, хотя в такой же степени «певцы», как Пушкин, а всем открыты, всемирны?

Нет, «непонятность» не только в языке, в поэтическом теле, но и в духе, в существе его, его и нашем, потому что он — мы, в нашем, вечном и высшем пределе. Как же в день русской культуры, день Пушкина, не подумать о том, почему именно это величайшее слово России не услышано миром.

Как будто предвидя этот вопрос, Достоевский в своей речи о Пушкине называет его «всечеловеком» и показывает, как в душе его, душе России, соединяются души всех веков и народов. На это опять-таки убедительно только для нас, своих, а чужие могли бы ответить Достоевскому: «Ты говоришь нам о том, что Пушкин взял у нас; но скажи и о том, что он нам дал». Тут заколдованный круг: русская всемирность — в Пушкине; но Пушкин закрыт для мира:

Чистый ключ из-под горы
Не бежит запечатленный...²

Как же его распечатать?! «Черт догадал меня родиться в России с душой и с талантом!»³ Это, конечно, — шутка. Но ведь и крик боли. До чего ему надо было дойти, чтобы так закричать! Это почти невообразимо для нас, но несомненно: была такая страшная минута в жизни Пушкина, когда он вдруг понял: остаться в России — погибнуть, бежать — спастись⁴.

Не спасся — погиб. Ну, конечно, не совсем. Много сделал, но не всё. Умер, не сделав, может быть, главного, не открыв себя миру, не распечатав «ключа запечатленного»; сделался величайшим русским поэтом, но не всемирным; так и не сказал, что Россия даст миру.

Адриатические волны,
О, Брента! нет, увижу вас...⁵

Мы этих волн нагляделись так, что, кажется, если бы среди нас был Пушкин, он закричал бы: «Черт меня догадал умирать на чужбине с душой и с талантом!» Странная судьба его и наша: он умирал от тоски по Европе; мы умираем от тоски по России. Две тоски встречных, два встречных движения: от него к нам и от нас к нему. Наша разлука с ним — гибель, может быть, не только наша, но и России; наша встреча — спасенье.

Пушкин продолжает дело Петра. Оба они знают или пророчески угадывают, что назначение России соединить Европу и Азию, Восток и Запад в грядущей всемирности. Вот что Пуш-

кин мог дать миру; пусть не дал, не кончил — «умер, как бог среди начатого мироздания»⁶; в этом горе наше, не надежда: начатое так не может остаться неоконченным. Пушкин так же, как Петр, — не дар, а залог, не исполнение, а обещанье русской всемирности. Но не солжет Пушкин — воплощенная правда России: что обещал — исполнит.

Никогда еще русский народ, — не Россия, а русский народ, т. е. преходящий во времени род, поколение, дробь вечного целого, вечной России, — никогда еще русский народ не изменял так, как сейчас, делу Петра и Пушкина; так не противопоставлял русского Востока всемирному Западу; так не уходил от европейского света в азиатскую тьму. Это — не его вина? Нет, и его. Горе народам, о которых говорят: «С них нечего спрашивать!»

Вот почему сейчас так, как еще никогда, нужен Пушкин обеим Россиям. Что их две — одна здесь, в изгнание, другая там, в плену, — это очень страшно; этого не бывало никогда ни с одним народом; но надо смотреть правде в глаза: это сейчас так: на две половины расторгнута Россия, и мы только верим, что обе половины соединятся. Непреложное свидетельство единой России — Пушкин. Он — примиритель, соединитель, тот, кто делает из двух одно и разрушает стоящую посреди преграду.

Мы смутно чувствуем и все забываем, а должны понять и твердо помнить, что подвиг нашего изгнания может быть так же свят, как подвиг тех, кто остался в плену. Мы и они любим ту же Россию, ту же Свободу, потому что для них и для нас одинаково — Россия значит Свобода; мы и они для Нее живем и за Нее умираем.

Пушкин недаром сказал:

...в мой жестокий век восславил я свободу.

С ним освободятся наши братья в плену, и мы, изгнанники, вернемся с ним в его Россию.

Всем врагам Свободы — России Пушкин грозное знаменье: Сим победишь. Он — огненный столп, ведущий нас в пустыне изгнания на Родину.

Вот почему такая радость для нас, что Пушкин с нами.

